

АЛЬДОНА БРАН

ЛЕДЯНОЙ
ВЗМАХ

18+

Альдона Вран
Ледяной взмах

«Автор»

2026

Вран А.

Ледяной взмах / А. Вран — «Автор», 2026

ПРЕДУПРЕЖДЕНИЯ В этой книге присутствуют сцены сексуализированного насилия. Автор не оправдывает поведение героев. Это художественное произведение, в котором также затрагиваются последствия травматического опыта. История не стремится оправдать жестокость, но может показаться захватывающе мрачной. Пожалуйста, будьте бережны к себе во время чтения. Если вы не знакомы с жанром «дарк-роман», отнеситесь к книге с осторожностью. Если же вы решитесь перевернуть страницу — будьте готовы к тому, что эта история может оказаться ближе, чем вы ожидали.

ДИСКЛЕЙМЕР Действие разворачивается в условной альтернативно-исторической реальности, вдохновлённой эпохой удельной Руси (X–XIII века). Автор не стремится к исторической точности и не претендует на документальное изображение эпохи. Посвящается каждой, кто желает встретить своего палача. Того, чьё имя лучше не знать. Того, чьего взгляда лучше не искать. Того, кто отсечет не голову, а сердце. Холодно. Тихо. Неотвратимо.

© Вран А., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	9
Глава 3	13
Глава 4	16
Глава 5	20
Глава 6	24
Глава 7	29
Конец ознакомительного фрагмента.	36

Альдона Вран Ледяной взмах

Глава 1

*«Старые люди говорили: коли лёд с
дождём падает на землю прежде
срока, жди перемен недобрых.
В тот день одна душа лишилась
головы, а другая — покоя».*

Из сказаний о Ледяном Взмахе, свиток I, обуглённый фрагмент

Зара

Казни я ненавидела с детства. Не потому, что боялась крови. Просто однажды казнь уже отняла у меня близкого человека. Но сегодня я случайно оказалась рядом, возвращаясь с прогулки. Сначала хотела пройти мимо, но потом поняла, что путь к терему как раз пролегает через лобное место. Переждать было всяко лучше, чем протискиваться сквозь толпу.

Я накинула капюшон мантии и как можно дальше потянула его вперед, чтобы меня никто не заметил. Быть княжной не так легко, как многие думают. Откуда-то сверху пронеслась капля и упала мне на руку. За ней - другая. Я задрала голову и посмотрела на небо. Тяжёлые серые облака нависли над крышей терема так низко, словно хотели придавить его к земле. Ветер гнал редкие жёлтые листья, и те кружились между людьми, цепляясь за сапоги и полы кафтанов, будто не желали умирать вместе с уходящей осенью. Справа меня пихал мальчик, который то и дело выпячивал голову, наблюдая за тем, что происходит впереди, с вытаращенными глазами.

Я до последнего не смотрела в сторону казни. Но любопытство взяло верх, когда толпа вдруг стихла. Перестала пересказывать друг другу подробности, гудя, словно комариный рой. Что заставило их всех умолкнуть? Сквозь вездесущие головы я кое-как разглядела помост. Старые доски потемнели от дождей и времени. Издали они казались почти чёрными. Я сощурилась при виде осужденного. Меня пугали лица людей перед смертью. В последние мгновения они становились удивительно настоящими. С них спадало всё: гордость, ложь, притворство, злость. Оставался только страх.

Но не это заставило толпу стихнуть. Не потому люди крестились, переглядываясь друг с другом. Не потому перестали смеяться и галдеть. Я нахмурилась и подалась вперёд, чтобы разглядеть получше. Толпа расступалась. Не перед князем. Не перед дружиной. Перед человеком в мантии. Он был почти вдвое выше всех вокруг. Его широченные плечи напоминали брёвна крепостных ворот. Странно, но первым делом я заметила не его рост. И не одежду. А то, как вел себя народ после его появления. Женщина, стоявшая возле помоста, поспешно отвела взгляд. Даже стражники словно становились осторожнее в его присутствии. И тогда я поняла. Это был он. Княжеский палач.

Он шёл неторопливо, и в этой неторопливости схоронилось что-то очень страшное. Казалось, тайна вот-вот вскроется, словно гнойник на теле прокажённого. На нём была длинная, тёмная мантия, почти сливавшаяся с пасмурным небом. Палач медленно поднялся на помост и одним ленивым движением скинул с себя мантию. Толпа, которая явно уже хорошо его знала, заохала и заахала, словно он предстал перед ними впервые. Внушительные мускулы рисова-

лись на его огромном, мощном теле. Я ни у кого еще не видела таких мышц. Обычно богатыри любят выставлять напоказ силу. Но этот человек не был богатырём из былин. Он не нуждался в подобных лаврах и доказательствах. Потому на нем остался черный мешок с прорезями для глаз. Он не собирался снимать его. Никому не дано было знать палача в лицо. Никто не видел его без мешка и не знал, кто он на самом деле. Никто, кроме моего отца, князя Ратибора, и его приближенных.

Я ожидала почувствовать отвращение. Но вместо этого ощутила любопытство. Неприятное. Почти болезненное. Словно смотрела на глубокую полыню во льду и понимала, что нельзя подходить ближе, однако всё равно не могла отвести глаз. Кожа покрылась мурашками, когда я вспомнила, как женщины шептались о нем на кухне. И замолкали, едва замечая чужие уши. Я не могла больше смотреть на палача. К горлу стала подступать тошнота. Я сглотнула и дабы отвлечься, перевела взгляд на смертника. Мужчина ещё недавно что-то кричал, вырывался из рук стражников, сыпал проклятиями направо и налево, но стоило ему поднять голову и увидеть палача, как слова застряли у него в горле. Все заметили, как сильно изменилось его лицо. Я увидела даже издалека. Страх пронзил его, словно нежданная стрела врага, решившего напасть ночью. Перед ним стоял тот, кто вот-вот задует свечу в его доме. Навечно.

Мужчина побледнел, попятился. А затем неожиданно рухнул на колени. Толпа засуетилась пуше прежнего, под помостом прокатился удивлённый шёпот.

— Нет — донеслось до меня.

— Прошу, - его голос дрожал, — Помилуйте!

Но смотрел он не на князя. Не на священника. Не в толпу людей. А на одного лишь человека с тёмным мешком на голове. И больше всего меня поразило то, что палач даже не шелохнулся. Он стоял неподвижно. Как ледяное изваяние. Как огромный дуб посреди поля во время зимней бури. Ветер трепал его валяющуюся на помосте мантию, еще чуть-чуть и подхватит ее и унесет прочь. Но ему до этого не было дела. Листья кружились у ног, над городом тяжело нависало серое небо, а он словно существовал отдельно от всего этого.

Тут вдруг из толпы выскочила женщина и громко завопила, упав перед палачом на колени.

— Смилуйся, добрый князь, - выла она, - Прошу, остановите это злодеяние. Народ засуетился. Стражники поспешили схватить ее. Она вырывалась, но те крепко держали ее за руки. Наверное, на них останутся синяки.

— Твой муж - вор! - раздался одинокий крик откуда-то из толпы. Больше никто не сказал ни слова. И тогда отчаявшаяся женщина обратилась к чудовищу. Слезы градом хлынули из ее глаз.

— Прошу, не убивай его, грозный палач! - молила она сквозь непрерывное рыдание, - Пощади меня, пощади деток малых, не оставляй сиротами некому их кормить будет!

Но палач ничего не ответил. Он молча поднял топор. С ледяным взором. С холодным безразличием. Движением, лишенным чувств. Ледяным взмахом. Он опустил руку, отсекая осужденному голову. Она отлетела, покатила по помосту, словно гнилое яблоко, выброшенное и ненужное. Несколько мгновений народ не двигался. Казалось, ветер стал холоднее, порывистее. Все стояли, как вкопанные, даже жена казнённого не шелохнулась. Только палач медленно приблизился к валяющейся голове, наклонился, чтобы поднять. С прежним холодом он положил ее в мешок и отправился прочь, так, будто ничего не произошло. Народ потоптался на месте какое-то время, перешептываясь и обсуждая случившееся между собой. Но вскоре люди начали расходиться восвояси. Только женщина распласталась на помосте возле мертвого мужа. Так, будто умерла вместе с ним.

Я сидела возле окна и наблюдала, как за ним бушевал ледяной дождь. Он тихо стучал по кровле терема, по деревянным стенам, по узким слюдяным окнам, превращая весь двор в тёмное царство блеска и сырости. Голые ветви яблонь в саду покрылись прозрачной коркой льда и теперь казались выкованными из стекла. Внезапно одна ветвь проломилась под тяжестью ледяного навеса. Я шумно выдохнула и сжала пальцами переносицу. Перед глазами до сих пор всплывало страшное зрелище. Казнь. Взмах палача. Отсеченная голова. И женщина, плачущая над телом мужа. Я подошла к зеркалу, чтобы расчесать волосы и отвлечься от дурных воспоминаний. Взяла гребень, уселась поудобнее. В стеклянном полотне отразились острые черты лица, точеные скулы, голубые, с желтыми вкраплениями, глаза и светло-русые волосы. Я была очень худенькой девушкой. Потому смастерить сарафан на меня было крайне трудно. Этот, желтый, как солнышко, с голубыми узорами, создали самые искусные мастерицы нашего княжества. Дополняли его украшения в виде кокошника с белыми бусами.

— Как поживает моя дочурка? - внезапно раздался голос отца за спиной.

— Батюшка! - громко обрадовалась я. Вскочила, развернулась и поспешила к нему с распростертыми руками. Князь по-отечески нежно засмеялся и ответил крепкими объятиями.

— Представляешь, батюшка, сегодня волею судьбы мне довелось побывать на казни, - поделилась я с ним, - твой палач - настоящий изверг! Жестокий человек. Я чуть не подавилась воздухом, пока в красках рассказывала ему о приключившемся с его женой и детьми горе.

— Она молила его, захлебываясь рыданиями. Но тот оказался таким бесчувственным! таким холодным! Был бы ты там, ты бы ее выслушал, смягчил свое наказание. Пощадил бы юродивого. Я была не в силах сдерживать порыв чувств. Одна слезинка все-таки просочилась сквозь мой правый глаз, как бы отчаянно я не пыталась запретить себе плакать перед отцом.

— Ведь пощадил бы? - спросила я, чтобы убедиться наверняка, на миг выскользнув из-под его объятий. Князь слегка призадумался, но потом взглянул мне в глаза и с уверенностью кивнул:

— Конечно, Зара. С этими словами он вырвался из моих объятий и нахмурился.

— Мне некогда. Много дел, родная. Сходи к матери, побеседуй с ней. Полегчает.

— Угу, - ответила я, когда тот уже выходил из моих покоев. И послушно отправилась вслед за ним. Оказавшись в коридоре терема, отец свернул направо, как я поняла, он должен был созвать вече, в той стороне всегда проходили собрания. Я же повернула налево, собираясь идти в покои матушки, княгини Устины. Но остановилась, когда в голову вдруг ударила добрая мысль.

Что если я найду эту женщину и ее детей, и помогу им? Мне захотелось добыть для них немного теплой одежды и еды, чтобы дети не питались одними лишь остатками хлеба. Черствого, как тот бездушный палач. С этими мыслями я вернулась в свои покои, надела черную мантию и направилась исполнить свою волю. Лишь позже я поняла, что мне не следовало этого делать. Княжеские дочери не ходят по хозяйственным дворам после захода солнца. Тем более в такую погоду. Но я знала, что в нижней части крепости находится кладовая, где хранились припасы для бедняков. Иногда отец велел выдавать им муку или сушёную рыбу, чтобы избежать бунтов и лишних разговоров. Я хотела распорядиться, чтобы той женщине тоже что-нибудь отправили. Хотя бы на зиму. Хотя бы детям. Это было глупо. Этого было недостаточно. Но ничего другого я сделать не могла.

Ледяной дождь барабанил по крыше переходов. Пламя свечи вздрагивало на каждом повороте. Толстые брёвна стен впитывали свет, узкие оконца почти не пропускали его внутрь, а сейчас, коридоры и вовсе напоминали длинные тёмные кишки какого-то огромного зверя.

Однако, к моему счастью, они были почти пусты. Лишь изредка навстречу попадались слуги. Но я все равно то и дело оглядывалась по сторонам.

Я уже собиралась свернуть к лестнице, ведущей вниз, когда впереди послышались шаги. Медленные. Тяжёлые. Я замерла посреди коридора и прислушалась. Шаги приближались, и они точно принадлежали кому-то очень грузному и отнюдь не безобидному. Я замешкалась, забежала глазами по коридору в попытках найти убежище. Справа стояли большие дубовые сундуки, накрытые грубой холстиной. Между ними и стеной оставалось немного места. Недолго думая, я проскользнула туда и прижалась спиной к холодному дереву.

Сердце колотилось так громко, что мне казалось, будто его услышат на другом конце коридора. Шаги становились всё ближе. Я сама не понимала, отчего вдруг испугалась. Ведь я была княжной. Находилась в собственном доме. Мне нечего было бояться. И всё же отчего-то страх медленно поднимался внутри и рос, и рос...

За окном ударил ветер. Где-то наверху скрипнули балки. Шаги приблизились ещё. А потом остановились. Совсем рядом. Я задержала дыхание.

Ничего не происходило. Тишина становилась всё тяжелее. Настолько тяжёлой, что я уже начала сомневаться, действительно ли слышала кого-то. Может быть, человек просто прошёл мимо? Может быть, мне померещилось? Я осторожно подалась вперёд и выглянула из своего укрытия. Коридор был пуст. У меня вырвался облегчённый выдох. *Глупая. Испугалась неизвестно чего.*

Я уже собиралась выйти из-за сундуков, когда за спиной вдруг раздался низкий мужской голос:

— Странное место для прогулок вы выбрали.

Внутри меня всё оборвалось. Я резко обернулась. Лучина дрогнула в руке. Он стоял всего в нескольких шагах. Палач. Так близко, что я не понимала, как могла не услышать его приближения. Высокий. Невероятно высокий. Он показался мне еще выше, чем на казни. Широкоплечий настолько, что тёмный коридор рядом с ним казался тесным. Лицо его по-прежнему скрывал чёрный мешок с прорезями для глаз.

— Разве княжне подобает находиться здесь одной после захода солнца?

На мгновение мне показалось, будто ледяной дождь вошёл вместе с ним под крышу терема. Словно я укрывалась от бури и вдруг обнаружила, что стою в самом её сердце.

Глава 2

*«Кровь на снегу заметна каждому.
Кровь на совести — почти никому.»
Из сказаний о Ледяном взмахе, -свиток II*

Зара

Напуганная до чертиков, я стояла, наблюдая, как он медленно закатывает рукава. Будто собирается казнить меня. Я с опаской заглянула в его глаза. Они казались черными. Взгляд был устремлен куда-то ниже моего подбородка.

— Мне нужно пройти.

Я сделала шаг в сторону, намереваясь обойти его, но он не сдвинулся. Словно был уверен, что я остановлюсь перед ним. И я действительно остановилась. Сердце неприятно ударило в груди.

— Я уже сказал, - твердо произнес он, - Вам не подобает здесь находиться. Возвращайтесь в свои покои.

— Я здесь княжна, - прикрикнула я, и мой голос сорвался, - я раздаю приказы.

Страх перерос в злость и негодование. Но сколько бы я ни хорохорилась, он не собирался пропустить меня вниз.

— Это возмутительно! Я позову батюшку и... и... - я вдруг поняла, что не смогу пожаловаться ему, ведь сама нарушила все правила. И он обязательно накажет меня, если узнает. По меньшей мере, приставит ко мне тучу дружинников, чтобы те охраняли и наблюдали за каждым моим шагом. Обида хлестала через край, и я была уверена, что стою вся пунцовая от ярости.

— Ваши щеки зарделись алым. Оттого ли, что предстал перед Вами в таком виде, - он указал пальцем на свой оголенный верх, и в этот миг я уже не сомневалась, что меня было не отличить от спелого помидора. Противным было то, что я не видела его лица, не понимала, он смеется надо мной?

— Ничуть, - ответила я и со всей злостью топнула ножкой. Осознав, что мне до него не достучаться, я развернулась и хотела было уйти, но...

— Сегодня на площади, — вырвалось у меня прежде, чем я поняла, что не стоило продолжать разговаривать с этим грубияном, — Та женщина.

Я снова повернулась к нему и вдругорядь заглянула в глаза. Он все время смотрел не в лицо, а только на мою шею. И от этого становилось так жутко и так тошно, что я то и дело потирала шею рукой, как будто она могла как-то защитить.

— Тебе не было жаль ее? - я знала, что пожалею об этом разговоре. Уже пожалела.

— Её муж был осуждён, - холодно ответил он.

— Он умолял, - настаивала я.

— Все умоляют. Я вздрогнула от этой простоты. От этой невозмутимости. От того, как легко и спокойно он произносил свои слова.

— Ты не ответил ей, — сказала я тише. — Ты даже не...

Я не договорила. Потому что вдруг поняла: я сама не знаю, что именно он не сделал.

— Вам не стоит думать об этом, княжна.

Он говорил так, будто имел право решать, о чём мне думать. Гнев опять разыграл во мне черной бурей. Разум померк. Я резко подняла голову.

— Это мой город. Мой!

Мои слова прозвучали увереннее, чем я себя чувствовала. И на мгновение мне показалось, что он отступит. Но он не отступил. Я заметила — впервые ясно — как близко он стоял. Слишком близко для разговора с княжной. Страх вцепился в горло крепкой хваткой. Будто его глаза, стремящиеся к моей шее, на мгновение обрели руки и дотянулись до нее. *Не трусь, Зара, он тебя не тронет.*

Я отвела взгляд первой. Повернула голову направо, сглатывая. Это было поражение. Я проиграла.

— Больше не пытайтесь пройти вниз, — сказал он вдруг, - никогда.

Я сызнова взглянула на него.

— Это приказ? - ухмыляясь, спросила я.

Мгновение он молчал, а затем коротко ответил:

— Предупреждение.

И наконец сделал шаг в сторону. Вот и все, путь свободен! *Вот он, проход — иди вперед. Чего ты медлишь, Зара?* Но я стояла как вкопанная. Не сдвинулась с места даже после того, как он прошел мимо меня, рассекая воздух и оставляя после себя запах железа и крови, въевшейся в одежду. Так, словно ветер подул на меня прямо с места, где только что казнили человека. Не знаю, то ли, но что-то заставило меня послушать его и повернуть обратно, в сторону своих покоев. Неужели то была трусость? *Ну ничего. Если он думает, что я так просто сдамся, то он ошибается.*

С раздражением я тряхнула головой, коса отлетела за спину, и я побрела наверх. Вернувшись в свои покои, я расчесала волосы и приготовилась ко сну. Улеглась в постель и проворочалась там полночи. К рассвету злость не утихла. Я встала. Несколько часов бесцельно бродила по комнате, пыталась читать, наблюдала, как ветви за окном ломаются и падают от ледяного навеса. Но в голове вновь и вновь возникала женщина. И палач.

На утро мне в голову пришла дельная мысль. Я ехидно улыбнулась и отправилась на кухню. Там я могла бы достать хотя бы часть того, что было задумано. Кухарка недоумённо взглянула на меня, когда я набрала еды со стола. Я прижала палец к губам и сложила ладони в безмолвной просьбе.

— Только батюшке ни слова, — прошептала я.

Она покачала головой, но всё же отвернулась, делая вид, что ничего не заметила. А я, накинув мантию, отправилась искать жену казненного.

Мне запрещали ходить среди простого люда. Потому гуляла я всегда подле двора, неподалеку от терема. Раз сегодня я нарушаю все правила, то была не была. Пришлось послушаться батюшку и в этом. Стоило мне выйти за пределы княжеского двора, как я быстро поняла, насколько бесполезна моя мантия. Меня узнавали. Кланялись. Спешно отводили глаза. Старики снимали шапки. Женщины прижимали к себе детей. Даже мужики - и те почтительно склоняли головы. Будто я была не человеком, а одной из тех икон, что смотрят на людей со стен храма. От этого становилось не по себе. *Почему они меня боятся? Почему склоняются?* Я не выигрывала битв. Не строила городов. Не держала всех в страхе, не казнила никого, в конце концов. И всё же люди смотрели на меня так, словно я могла одним словом изменить их жизнь. Наверное, именно поэтому мне стало ещё стыднее за свёрток в руках. Слишком маленький. Слишком жалкий. Словно несколькими кусками хлеба я собиралась исправить чужое горе.

Тут вдруг откуда ни возьмись передо мной возникла худощавая женщина и кинулась мне в ноги.

— Княжна, спасибо за доброту Вашу, - она била челом о землю.

Я стояла в полном недоумении, глядя на женщину, в которой я узнала жену казненного вора.

— За то, что с голоду не дали сгинуть! - причитала она, схватившись за мои ноги, - За хлеб! Коли не вы, мы б впроголодь жили.

— Хлеб? Какой? Откуда?

Она, наконец, оторвалась от моих ног и потрудилась объяснить все, как следует.

— Мне передали. Сказали мол от Вас угощеньице. А вещи-то, а вещи!!! — тараторила она без умолку, - вещей-то сколько прислали! И Глебе в пору, рубашонка села - аккурат на него шили!

— Но кто? Кто передал? - допытывалась я.

— Не ведаю, доченька, - мужик какой-то приходил, грязный весь, будто из болота токма вылез!

Я потупила взгляд.

— Натте вот, - протянула я ей сверток с добытыми мною вкусностями, - еще угощение!

— Куда уж столько, доченька!

— Ничего! Хлеба много не бывает!

— Благослови тебя Господь, - теперь она принялась целовать мне руки, - доченька, что бы мы без тебя делали!

— Ну полно Вам, - я пыталась отцепиться от нее, возвращая обратно себе свои руки и пятясь назад.

— Здравья тебе крепкого, солнце! - приговаривала она!

— И вам не хворать, - бросила я ей напоследок, развернулась и пошла восвояси.

— Пушай у тебя все сбудется, добрая душа! - крикнула она мне вдогонку.

Я шла назад, хмуря брови и зло топча землю. *Никто не знал. Никто. Кроме него.* Мне захотелось самолично спросить его, зачем он это сделал. Не успела я опомниться, как уже шагала к темным лестницам, ведущим вниз. Дознаться, почему этот жестокий, гнусный изверг решил помочь бедной женщине? Еще и от моего имени.

Проходя мимо места нашей с ним встречи, я невольно содрогнулась всем телом, но назад не повернула. Спустилась по лестнице, прячась от лишних глаз. Побрела по каменному полу, свернула налево, затем возвратилась и направилась в другую сторону, в поисках палача. Но его нигде не было. Когда я уже сдалась, злость потихоньку стала отступать. Я вздохнула и собиралась было повернуть обратно, в свои покои, как вдруг за обветшалой деревянной дверью послышались душераздирающие стоны. Я вздрогнула. Оглянувшись по сторонам, приблизилась к двери и прислонилась ухом. Теперь изнутри слышались удары. Затем снова стоны, перерастающие в крики. Когда вопли прекратились, любопытство переполняло меня.

Терпение лопнуло. Сердце забило быстрее, когда я дотронулась до заскорузлой дверной ручки. Толкнула и...

Когда та отворилась, я не поверила своим глазам. Алый цвет пестрел на каждом шагу. Кровавые пятна тянулись по полу прямо до самых моих ног, словно лапы нечистой силы норовили схватить их, утащить на сторону Нави. Вдоль подгнившей стены тянулись цепи. Кругом висели плети, распластались измученные, полумертвые тела.

— Я же сказал Вам не приходить сюда, - раздался знакомый голос позади меня.

От этого голоса и зрелища, возникшего передо мной, меня затошнило. Я медленно опустила взгляд, не в силах больше смотреть.

— Господи - вырвалось у меня.

Я смутно слышала, как палач шагнул ближе. Затем обошел меня и встал напротив. Перед глазами плыло, я едва различала его внушительный стан и пресловутый мешок на голове. Я попятилась. Ещё шаг. И ещё... Пока спина не ударилась о стену. Только тогда я поняла, что отступать больше некуда.

Он остановился совсем близко. Слишком близко. Пальцы в кожаной перчатке медленно коснулись моей шеи. Лишь кончиками. Будто проверяя, жива ли я. А я и сама была в том не уверена. Сердце едва не выпрыгнуло из груди. Его рука скользнула чуть выше, к подбородку, заставляя меня поднять голову.

— Не стоит приходить в места, которые могут Вас напугать, княжна.

От его спокойствия становилось только страшнее.

— Кто... кто сделал всё это? — прошептала я.

Мой взгляд снова скользнул по цепям. По крови. По людям. По следам чужих страданий.

— Кто приказал? Кто?

Палач молчал. *Проклятье*. Зачем он снова разглядывал мою шею? Впивался своими черными глазами сквозь прорези этого пугающего мешка. И трогал ее так, будто вот-вот схватит, задушит, погубит хрупкое тело.

И тут в голове вдруг раздалось слова батюшки о том, что страх удерживает порядок лучше любой милости. По спине пробежал холод.

— Нет.

Я покачала головой.

— Это не он.

Но собственный голос прозвучал неуверенно. Палач медленно убрал руку от моей шеи.

— Вы сами знаете ответ, княжна.

Казалось, ничего не может быть хуже, чем зрелище, увиденное мною. Но самым страшным оказалось то, что палач был прав. Ответ я знала с самого начала.

Глава 3

*«Коли рука палача однажды дрогнула
над чьей-то шеей —
она уже не принадлежит ему.»*

Из сказаний о Ледяном Взмахе, обугленный фрагмент.

Яр

Раньше я никогда не встречал ее. Зачем палачу смотреть на княжну? Наши пути не должны были пересечься. Я слишком долго готовился, слишком долго ждал. Доселе в моей голове был только князь. И расплата. Я знал о ее существовании, но никогда не интересовался. Дочь князя, его тень, не более. Пока впервые не встретился с ней, в коридорах, где ее страх слился с безрассудством и глупостью. Когда я увидел это хрупкое, беззащитное создание, то понял, что она может мне пригодиться. Княжна всецело излучала наивность, доверчивость миру и людям. Это могло быть мне на руку. Такая мысль не была мне приятна. Однако месть редко идёт по прямой дороге. Иногда судьба подсовывает тебе другие инструменты. И одним из них могла стать княжеская дочь.

В тот вечер я думал именно об этом, стоя среди княжьих людей. В большом зале, где проходило собрание, было жарко. Поленья приятно трещали в очаге. Служанки молча разносили кубки, косо поглядывая на меня. Никто не замечал под мешком на голове моей привычной ухмылки.

Князь смеялся. Громко. Будто за стенами терема не было ни крови, ни плетей, ни обреченных на смерть людей.

Я не должен был здесь находиться. Но всю грязную работу князь поручал мне одному. Потому я стоял у стены, как всегда, невидимый, удобный. Палач, не задающий лишних вопросов. *Подожди, князь, ты еще не знаешь, кто я на самом деле и почему молчу в ответ на все твои зверства.*

Князь поднял кубок. Огонь отразился в золоте. На мгновение мне почудился запах дыма, едкого, навсегда ввевшегося в мою кожу. Болезненные воспоминания хлынули резко, точно кровь из перерезанной шеи. Пальцы сами собой сжались в кулак. В памяти мелькнул женский крик. Затем детский плач.

Я отвернулся, чтобы отвлечься. За окном темнело небо, пуше прежнего погружая меня в тот злосчастный день. Снова крик. Ее крик. Некоторые голоса память не отпускает, даже спустя годы.

— Выпей с нами, Яр! — крикнул кто-то из дружинников, вынимая меня из омота дурных мыслей.

Нет, с вами я пить не буду. Я мотнул головой, но князь не любил, когда кто-то отказывался пить. Потому я повернулся к нему и поклонился, прижимая правую руку к сердцу. И только одному мне было заметно, как кулак сжался до побеления. Князь лишь усмехнулся. Он всегда делал это одинаково, так, будто знал больше остальных. Намного больше.

Затем князь кивнул в мою сторону. Намекая, что пора закончить начатое. Казнить пленных, что ждали своей участи в подземелье. Всех. До единого. Это не должна была быть прилюдная казнь. Мне поручили убить их тайно, как и всех остальных, тех, кого отметил князь.

Я спустился в подземелье, приказал вывести их в темную часть двора. А сам забрал топор и отправился в другую сторону. Мне нужно было выпить что-то крепкое. Когда я вышел из терема, холод мгновенно окатил лицо ледящей волной. Я запрокинул голову. Тяжёлые тучи

снова нависли над городом. Вдругорядь шёл ледяной дождь. Тяжелые капли падали и звенели, ударяясь о крыши, а люди торопились спрятаться под навесами. Такой дождь не любили. Говорили, он приходит перед бедой. У нас беда тянулась уже третий день. Но мне было всё равно на эти рассказы.

Я направился в сторону корчмы, чтобы взять себе крепкий напиток и растворить в нем боль далеких лет. Шел, уставившись в землю, и раздумывал над дальнейшими действиями, которые могут помочь воплотить мой замысел. А когда поднял голову, вдруг увидел её. Княжна шла за пределами двора. Одна. Без сопровождения дружинников. Без здравого смысла. Как всегда.

Я нахмурился. После увиденного в подземелье она должна была сидеть в своих покоях. Бояться, плакать, трястись, как осиновый лист. Но княжна будто не умела делать то, что от неё ожидали. Я вновь задумался над тем, какой безрассудно смелой она была. Удивительно. Ведь боялась, но все время продолжала идти вперёд.

Она быстро пересекла двор и скрылась за воротами. Я двинулся следом. Если она снова сыщет себе беду на голову, я точно не смогу ею воспользоваться. После казни она отправилась искать вдову. После подземелья ей снова захотелось влезть, куда не след? Она совала свой маленький носик куда не надо слишком часто. И задавала чересчур много вопросов. Для дочери князя. Наивная, взбалмошная княжна, выросшая в любви и заботе.

Ты слишком доверчива. Думаешь, мир такой безобидный, беззлойный? Как в прочтённых няньками сказках, которые ты хоть и слушала вполуха, но запомнила. Ты слишком мало боишься, княжна. Ничего, я покажу тебе, каков мир на самом деле. Уже показал. Дважды. Наши встречи прошли незабываемо, особенно для тебя. Люди всегда меняются в страхе. Дышат иначе, двигаются по-другому. Я чувствовал, как ты изменилась. Чувствовал притягательный запах твоего страха, маленькая ласточка. А какая у тебя красивая шея, когда ты боишься. Как напрягаются на ней твои изящные, тонкие вены. Я привык смотреть на шею и головы. Это стало частью моей работы. Но твоя шея на плахе смотрелась бы никудашно. Она была создана, чтобы ее рисовали лучшие живописцы Руси.

Ледяной дождь усиливался. Капли разбивались о землю тонкими осколками льда. Ветер теребил мантию княжны. Я ускорил шаг. Она подняла воротник выше. Оглянулась. На мгновение мне показалось, что она почувствовала взгляд. Нет. Опрометчивое, упрямое существо. Она совсем не похожа на своего отца. Эта мысль возникла в моей голове слишком внезапно. И мне она не понравилась.

Я подошел уже совсем близко. Казалось, еще чуть-чуть и она точно меня заметит. В этот момент над улицей раздался глухой треск. Я поднял голову. Старая вывеска корчмы. Прогнившая балка не выдержала тяжести льда. Дерево рухнуло вниз, падая прямо на княжну. Всё произошло слишком быстро, но я успел раньше. Отбросил топор в сторону, схватил её за руку и резко рванул на себя. Доски ударились о землю в том месте, где мгновение назад стояла она.

Грохот прокатился по улице. Княжна вскрикнула и врезалась мне в грудь. Несколько ударов сердца мы стояли неподвижно. Я чувствовал, как быстро она дышит, как дрожат ее пальцы, как колотится сердце. И это вызвало в моем теле странный отклик.

Потом она резко отстранилась и подняла голову. В её глазах смешались страх и злость.

— Ты?! - возмущенно прошипела она.

— Я.

Княжна посмотрела на разбитые доски. Потом снова на меня.

— Ты следил за мной?

Я промолчал. Её щеки вспыхнули, точно два пленительных огонька посреди темного леса.

— Зачем ты спас меня?

Ветер сорвал несколько ледяных капель с крыши. Они разбились между нами. Я посмотрел ей прямо в глаза.

— Не обольщайтесь, княжна.

Она нахмурилась.

— Что?

Я отпустил ее руку, медленно отходя от нее.

— Я сделал это не ради Вас.

Её худое, милое личико вытянулось. Вероятно, она ожидала другой ответ. Мне стало почти смешно. Почти.

— Тогда зачем?

Несколько мгновений я молчал. Дождь тихо шипел, словно ворчал на нас обоих.

— Потому что Вы нужны мне живой, - ответил я, шагнув в сторону и потянувшись за топором.

Она побледнела.

— Для чего?

Я взглянул на нее и задумчиво оперся на топор. Наклонил голову, изучая ее. И увидел, что она не может отвести взгляд от моих рук на древке.

— Когда придёт время, узнаете, - ответил я.

Потом спокойно закинул топор за спину и пошёл прочь. Не оборачиваясь. Только напрягся, услышав позади себя её сбитое дыхание.

Мне срочно нужно было оказаться в корчме. Чтобы выпить что-то очень хмельное. Что-то очень крепкое. Я должен забыться. А затем убить десятки невинных людей по приказу отца этой взбалмошной особы. Сделать то, что я делаю постоянно. Но впервые я не уверен, что дойду до конца этого приказа.

Глава 4

«И легло сомнение на сердце княжны, как петля — на шею приговорённого.»

Из сказаний о Ледяном Взмахе, свиток IV

Зара

Смятение. Иного слова для своего состояния я подобрать не могла. Оно преследовало меня с момента увиденного в подземелье. Я пошла к отцу, мне хотелось лично спросить его, что все эти люди делали в подземелье. Почему там висели цепи? Почему было столько крови? Зачем их пытали? Но чем ближе я подходила к его покоям, тем отчётливее слышала голоса. Я остановилась у двери. Отец говорил резко, раздражённо, почти срываясь.

— Сколько лет, — его голос ударил, словно одна из жутких плетей, всплывающих в памяти, — сколько лет ты не можешь дать мне наследника?

Я слышала, как моя мать, княгиня Устинья, вздыхает. Отец почти кричал на нее, его тон казался мне непочтительным. Мамин голос был тише, но в нём слышались усталость и напряжение.

— Это не так просто...

— Не так просто? — он перебил её.

— У других князей есть сыновья. Наследники. Продолжение рода. А у меня что?

Я замерла. Сердце пропустило удар.

— У нас есть дочь, — сказала мать осторожно.

— Дочь, — он почти выплюнул это слово, - Дочь не удержит княжество.

Тишина сгушалась. Я отступила от двери, как будто меня со всей силой ударили плетью. Забыла, зачем собиралась войти, что хотела сказать отцу. Ушла оттуда, так и не осмелившись спросить его. Оставшись без единого ответа, напротив, вопросов стало только больше. Раньше мои мысли занимали лишь цепи, кровь, стоны. Теперь в голове звучал еще и голос отца: такой резкий, такой чужой. Он никогда не отличался заботой, однако теперь мне казалось, что... Я совсем не знаю его. Сажу в своих покоях, словно в темнице. Не выхожу дальше княжеского двора. Я ничего не знаю. Ничего.

Сутки я провела в раздумьях. Чувствовала себя очень плохо, к вечеру разболелась голова. Я пыталась отвлечься. Принялась вышивать, но укололась иглой и тотчас бросила это раздражающее занятие. Пыталась молиться. Но вместо молитвы перед глазами вновь и вновь возникало темное подземелье, пятна крови и... Человек в мешке. Я не могла даже просто смотреть в окно, в котором все еще бушевала непогода. То и дело возвращалась мыслями туда, вниз, к крови и цепям. Я пыталась найти хоть одну зацепку. Вспоминала прошлое. Но прошлого у нас с отцом и не было. Он редко интересовался моей жизнью, я виделась с ним лишь когда он заходил справиться о моем самочувствии. Дознавался, здорова ли я, и этим дело всегда заканчивалось. Раньше мне казалось, что у него много дел и не стоит отвлекать его разговорами. Я любила его. То есть, люблю. Наверное...

Я сидела, сжимая пальцами переносицу, не могла найти никаких ответов. И только к вечеру меня осенило. Прасковья. Моя нянька. Та, что когда-то качала меня на руках и говорила, что мир не так жесток, как кажется. Её казнили по приказу отца. За убийство. Так мне сказали. Я горько плакала в тот день. И даже сбежала на казнь. Пробыла там, пока не поймали. А поймали меня поздно, когда я уже успела увидеть, как голова дорогой мне женщины валялась на плахе. Но как-то, незадолго до обвинения, она успела шепнуть:

— Будь с мамой. Остерегайся батюшку.

И ещё что-то. Про него. Про моего отца. Тогда я была ребенком и ничего не понимала. Я верила отцу, хотя боль от ее смерти была настолько невыносимой, что я начала бояться казней и с тех пор не появлялась на них. Но сейчас... Сейчас у меня возникли некоторые подозрения. Я не стала медлить. Разузнала, где стоит ее изба. Дорога пролегла мимо рынка, мимо корчмы, в которой веселился и напивался до упаду народ. Если батюшка узнает что я ходила туда Он запрет меня на три замка и больше никогда не выпустит. Но я пошла. Я просто не могла не пойти. Накинула тулуп, следом мантию, и вышла из терема. Природа не успокаивалась. Ветки трещали, дождь все продолжал идти. Я шла быстро, кутаясь в мантию от ледяного дождя и размышляя о словах няньки. Настолько погрузилась в мысли, что не сразу услышала странный треск наверху. Сначала тихий. Почти сразу за ним последовал другой, уже громче. Я подняла голову и увидела, как прямо надо мной накренилась тяжёлая деревянная балка. На одно короткое мгновение я просто застыла. Опешила, не убежав и даже не вскрикнув. Сердце ухнуло куда-то вниз. А в следующий миг чья-то рука резко сомкнулась на моём запястье. Меня дёрнули с такой силой, что я потеряла равновесие. Перед глазами мелькнули мокрые доски, серое небо и чьи-то темные очертания. Грохот раздался одновременно с моим вскриком. Балка рухнула на землю в том самом месте, где я стояла мгновение назад. Несколько ударов сердца я не могла понять, что произошло. Лишь потом осознала, что уткнулась лицом в грудь человека, который держал меня за руку. Палач. Проклятье. Это снова был он. Откуда он взялся? *Он спас тебя, Зара. Но зачем?* Спросив его напрямую, я, конечно, разочаровалась в ответе. Он был холодным и неразговорчивым. Как подобает настоящему палачу. Закинув свой устрашающий топор за спину, он направился в корчму. Ошарашенная, я еще долго не двигалась с места. И даже когда пришла в себя, то не сразу вспомнила, куда направлялась. После случившегося я впала в еще большее смятение. *Зара, ты справишься. Тебе нужно в избу Прасковьи.*

Зайдя за угол, я увидела дом. Маленький, перекошенный. Так его старая служанка и описывала. Сразу за корчмой. *Вроде верно пришла.*

— Есть кто? - спросила я, постучав по деревянной двери. Никто не ответил. Тогда я принялась барабанить по прогнившим доскам сильнее.

— Полно колотить! - послышался мужской голос, - кто там?

— Это дом Прасковьи? - ответила я вопросом на вопрос.

— Она не жила здесь. Она жила при князе.

— Я знаю. Она была моей нянькой, - ответила я, рассматривая его лицо через щелочку, - впустите, пожалуйста. Это очень важно.

За дверью тяжело вздохнули. Послышался звук деревянного затвора, за ним скрип двери, и передо мной предстал юноша со светлыми волосами.

— Здравствуйте! - я добродушно улыбнулась.

— И Вам не хворать, - холодно бросил он, стоя передо мной босиком и в рваной рубашке, даже не предлагая войти.

— Вы родственник Прасковьи?

— Сын, - ответа длиннее я и не ждала.

— Можно? Войти... - скромно поинтересовалась я.

Юноша молча сдвинулся с места, освобождая проход, и я вошла внутрь. Убранство дома оставляло желать лучшего. Пол скрипел под ногами, будто жаловался на каждое движение. Стены были потемневшими от дыма и старости, местами с облупившейся глиной. В углу стояла печь, почти пустая. Тлеющие угли не давали ни тепла, ни света. Пахло сыростью, старой тканью и чем-то кислым, как от давно застывшей еды. *Неужели все в нашем княжестве так живут?*

— Вы, случаем, не ограбить меня пришли? - спросил юноша, и лицо его скукожилось от подозрений.

— Что вы, что вы, - я отрицательно замахала руками, а потом сняла с себя мантию, открывая его взору кокошник, украшенный драгоценностями, - я княжна.

Он молча кивнув, слегка удивившись. Но все же поклонился, потянувшись рукой сперва к сердцу, а затем - к полу. Я продолжила осматривать избу. Точнее, ее обветшалое подобие.

— Это вещи Прасковьи? - спросила я, указав на хлам в углу. Да. Я забрал их после ее казни.

— Я посмотрю?

— Пожалуйста. Но ничего интересного вы здесь не найдете.

Я аккуратно перебрала вещи, и к концу уже утратила надежду, как вдруг моему взору предстала интересная вещица. Это был сверток, который напоминал послание. Я развернула бумагу. Она была не официальной. Не приказ. И даже не письмо. Какой-то лежалый, порванный клочок. Слова были написаны быстро, без попытки придать почерку красоту. Бумага выглядела не просто потрепанной. Она оказалась прожженной, обугленной, как будто от нее пытались избавиться. Словно кто-то вытащил эту вещицу из огня в последний момент. «Она много знает.» Я перечитала строку несколько раз. Слова не выглядели угрозой. Они казались мне привычными на слух. Будто их уже произносили раньше на моей памяти. И не один раз. Я прищурилась, вгляделась в буквы. И в этот миг меня прошибло холодом. Потому что то, что я разглядела, очень походило на почерк отца. Я была не уверена, а порывшись в вещах еще, не нашла больше ничего. Никаких доказательств. Но этого было достаточно, чтобы зерно сомнения проросло в моем сердце.

Я сжала клочок, оглянулась и, убедившись, что юноша не смотрит, засунула найденное за пазуху.

— Вы правы, - обратилась я к сыну Прасковьи, - здесь ничего интересного. — Я говорил Вам. Когда я прощалась, голос почти сорвался от волнения. Я прокашлялась и направилась к выходу. — Всего хорошего, - сухо бросил юноша, спешно закрывая за мной дверь, - Ходят тут... Но я уже его не слышала. Думала только об этом клочке. Пыталась сложить всё в одну картину. Шла, глядя в землю и пиная камушки, встречающиеся на пути. Гляди, какая баба! - вдруг послышался грубый голос прямо передо мной. Не успела я поднять взгляд, как меня схватили и начали трясти. Мужик. Грязный. Пьяный. И похотливый.

— Ну хороша, хороша, - говорил он, не замечая, что плюется мне в лицо, - сюда, мужики!

— Пусти, - зажмурившись, я пыталась вырваться из рук, больше напоминающих большие куриные лапы.

— Отпусти ее, - раздался знакомый низкий голос совсем рядом.

Мужик побледнел. И сразу ослабил хватку. Даже не повернулся, ведь было достаточно одного голоса, чтобы узнать палача. *Его все здесь знают?* Услышав приближающиеся шаги палача, мужик молча отпустил меня и отступил без всякого сопротивления. Убрался вон, склонив голову.

— Вы попались мне на глаза второй раз за вечер. Не ждите, что на третий я Вас не выдам.

— Я бы и сама справилась, - фыркнула я, отряхиваясь, - тебя никто не просил вмешиваться.

— Нашли что-нибудь интересное? - по его голосу стало ясно, что он ухмыляется.

— Что? - я вопросительно посмотрела на него.

— Ну, Вы здесь околачиваетесь явно не с целью повеселиться, - он обвел пальцами корчму, из которой вываливались толпы пьяных людей.

— Тебя это не касается, - буркнула я и сделала шаг вперед, нарочно толкнув его плечом.

— О, княжна. Боюсь, Вы не правы, - он схватил меня и прижал к осиновому дереву, под которым мы стояли, - Князь прознал, что Вы уже послушались его единожды, выйдя за двор, к народу. Он приказал мне следить за Вами.

Я сглотнула. Он был не на шутку близко. Край мешка приподнялся, и мне казалось, что я уже почти вижу его губы. Я ощутила на себе его горячее дыхание с отчетливым запахом медовухи и холодный взгляд. Не знаю, чего я испугалась больше: что батюшка знает о моих выходах в люди или того, что палач-изверг был в шаге от...

— Вы пьяны, - отвернулась я.

— А Вы не заметили, что находитесь в месте, где трезвых не встречают? - прошептал он мне прямо в губы, рукой возвращая их поближе к своим.

Не выдерживая на себе его взгляд, я отвела глаза и увидела его исполинские мышцы на руках. Они выглядывали из-под меха, напоминая высоченные яры. Да он сам был точно скала. Возвышался надо мной, словно вот-вот обрушится с грохотом. На мгновение мне показалось, что я сама тянусь к нему, что хочу сорвать с него чертов мешок. Но то лишь на мгновение.

Не успела я снова попытаться остановить его, как он сам вдруг отпрянул, а затем я почувствовала, как холодный металл едва коснулся моего подбородка. Легкое касание, которого хватило, чтобы я вздрогнула. Деревянная рукоять давила на нежную кожу. Он приставил к моему подбородку топор. *Топор!* Я стояла не в силах пошевелиться, а страх разлился по всему телу ледяной волной. Он смотрел на меня сверху вниз. Спокойно. Слишком спокойно для человека, державшего топор у моего горла. Мой взгляд против воли скользнул к его губам. И тут же вернулся обратно. Но было поздно. Ведь он заметил. Я поняла это сразу. По тому, как дрогнул мешок у его рта. *Проклятье. Он точно заметил.*

— Бойтесь меня, княжна? — тихо спросил он.

Я вскинула подбородок. Настолько, насколько позволяла рукоять топора.

— Ненавижу.

Его без того черные глаза потемнели. И почему-то от этого ответа стало ещё страшнее. Несколько долгих мгновений он просто смотрел на меня. Будто о чём-то размышлял. Будто боролся с каким-то решением. А потом медленно провёл большим пальцем по моей щеке, стирая дождевую каплю. Я вздрогнула. Он тоже замер, будто сам не ожидал, что сделает это. И впервые за всё время мне показалось, что испугалась не только я. Он резко отступил, так, будто обжёгся. Затем развернулся и пошёл прочь. А я осталась стоять под дождём, прижимая ладонь к щеке. К тому месту, которого только что коснулись его пальцы.

Глава 5

«Даже у тех, кто привык держать мир на острие топора, находится одна трещина — через которую входит чужой свет.»
Из сказаний о Ледяном Взмахе, обугленный фрагмент

Яр

Я казнил множество людей не моргая. Но сегодня... Когда я спас эту хрупкую ласточку, то отчего-то впервые ощутил сомнение. По поводу того, стоит ли моя месть стольких жизней? Убью я или не убью обвиненного - это всегда игра случая. Если казнь прилюдная или князь приходит лично убедиться, проверить, считай, человек уже мертв. Его не спасти. В остальных случаях у меня обычно получалось разыграть казнь, не вызывая подозрений. Спровадить обвиненного, подделать бумаги. Потом спрятать спасенного в Холодном Лесу. *Делов-то.*

Но сегодня князь должен был присутствовать на казни. Он сказал, что задержится, но обязательно придет. Страшнее было только то, что пленными князя являлись мои соглядатаи. Люди, которые работали на нас с Туром. И если они умрут, то я себе этого не прощу. И тем более, этого не простят мне люди. Никто не любит палачей. Но все знают, что если палач поднял топор против князя — значит он не просто палач. Люди пусть и немного, но доверяют мне. А может, они просто настолько отчаялись, что готовы довериться человеку, который работает убийцей. Когда я зашел в заведение, галдеж мгновенно утих. Замолчали все. До единого. Они боялись меня.

— Уходи, Яр, - выпалил корчмарь, - тебе здесь не рады.

— Я ненадолго, - сухо ответил я, не обороняясь.

— Почему мы должны впускать сюда палача? - крикнул кто-то из толпы.

— Он отрубил сотни голов, - подхватили остальные.

Ну вот. Мой привычный вечер среди народа.

— А сколько из них он осудил? - тут вдруг послышался голос моего друга, громкий, уверенный.

Тур вышел из тени и улыбнулся, протягивая мне руку. Он то и помогал мне оправдать себя перед народом.

— Топор был его, - вновь выкрикнул какой-то мужик.

— Воля была княжеская, - вступался за меня друг.

— Мы должны доверять палачу?

— Он княжеский пес, - противостояли они.

— Почему мы должны вам верить?

Я промолчал. Тур тоже. Некоторое время мы просто смотрели друг на друга, а затем друг снова обратился к людям: Если вы не верите.

— Приходите сегодня ночью в Холодный лес, поглядеть на одного из тех, кому Яр помог избежать смерти, все, кто сомневается. Все, кто желает воочию убедиться. Яр - вам не враг. Он помогает.

После этих слов люди успокоились. Со всех сторон снова слышались гудеж и болтовня. Наконец, я мог спокойно выпить. Собираясь вогнать в себя пару кружек медовухи, я обратился к Туру:

— Как ты, друг? Да вот, живехонький, - ответил он, похлопывая меня по плечу, - сам как?

— Справляюсь, - выдохнул я, - сегодня предстоит казнить наших...То есть... Не знаю, как все пойдет.

— Не тревожься, - пытался подбодрить меня друг, - ты сделал все, что от тебя зависит. И даже больше. Если б не ты был палачом, смертей было бы куда больше.

Я ничего не ответил. Молча пригубил медовуху, пытаюсь забыться, и прикрыл глаза. Когда я выпил чуть больше, чем собирался, меня начало клонить в сон. Но я быстро пресек это желание.

— Князь наверняка уже ждет меня. Я должен идти, - попрощался я с другом, выходя из корчмы.

Я направлялся к терему, как вдруг услышал рев пьяного мужика.

— Гляди, какая баба!

За ним послышался свист. Я обернулся и увидел ее. Снова. Эту надоедливую, попадающую мне на каждом шагу, княжну. Вечно маячившую перед глазами.

— Отпусти ее, - раздраженно произнес я.

Мужику было достаточно моего голоса, чтобы испугаться и отступить. Княжна, конечно, поворчала, мол, спасать ее, оказывается, не нужно было. *Разумеется, не нужно, ласточка, пусть бы мужик надругался над тобой, а отец запер бы потом тебя до конца твоих дней. В лучшем случае. Ты ведь совсем не знаешь, на что он способен.*

Наш разговор с княжной я помню плохо. Очень смутно, потому как был жутко пьян. Зато я припоминаю, что мне хотелось сделать с ней кое-что, что я давно не делал с женщинами. Кое-что очень плохое. Кое-что очень непристойное. Впитаться в восхитительную шею губами. *Почему я раньше не замечал, насколько она прекрасна? Моя маленькая ласточка, я должен лишь использовать тебя, чтобы подобраться к твоему отцу. Должен, но отчего-то рядом с тобой я начинаю дышать по-другому. Я не могу оторваться от твоего милого личика. Отчего же, маленькая ласточка? Это медовуха играет в моем теле, дергая за ниточки? Или же у меня просто давно не было женщины?*

Я подумаю об этом позже. Сначала мне нужно разобраться с приказом твоего поганого отца. Я неохотно поплелся в сторону терема, чуть пошатываясь и потихоньку пытаюсь прийти в себя. Мне нужно было сделать вид, что я трезвый. Я завернул в сторону грязного переулочка, туда, где я обычно убивал тех, кого князь не мог приказать казнить прилюдно. Пленные, измученные и скованные цепями, уже ждали меня. И, вероятно, давно. Я не знаю, сколько времени прошло с моего приказа вывести их сюда. Мне стало дурно. Среди мучеников я разглядел знакомые лица, лица наших с Туром людей. Кулак сжался. Князя все еще не было. Я подумал, вдруг он все-таки не придет и мне удастся повернуть то, что обычно всегда получалось. Но вот послышался знакомый кашель, от которого на душе стало еще тошнотворнее. Из терема вышел князь. Он держал в руках яблоко так, словно вышел на прогулку между прочими делами. Другой рукой почесал затылок и по-хозяйски поинтересовался:

— Ну? Никто так и не признался?

Я молча покачал головой. Князь надкусил яблоко и подошел к одному из пленных. Он наклонился к связанному, измученному мужчине. Затем почти лениво ударил его по лицу и процедил сквозь зубы:

— Я спрашиваю в последний раз. Ты лазутчик?

Кровь стекала по подбородку страдальца.

— Скажи все, что знаешь, и будешь жив.

Я стоял неподвижно. Не палач. Трус. Я знал — даже если сейчас вмешаюсь, будет поздно. Но это не было оправданием. Пленник поднял на меня взгляд. Казалось, вот-вот и он сдаст меня князю. Расскажет все. Но он лишь улыбнулся. Я подошел к нему, взял в руки грязный от запекшейся крови топор. Князь отошел подальше. Несмотря на всю его жестокость и безразличие, он не любил наблюдать казнь. Отчего-то.

— Я умираю за свою жену и детей. Надеюсь, не напрасно, - тихо произнес безголосый пленник.

Все, что я мог сделать, это лишь шепнуть напоследок:

— Не сомневайся.

Ледяной взмах. И отсеченная голова пленника рухнула на землю. За ней точно так же посыпались головы других людей. Они тоже надеялись, что умирают не зря.

— Хоть жены с детьми пожрут.

Надо отдать должное князю, что еду он приказывал доставлять всем женам и детям казненных.

Я снова вернулся к терзающему меня вопросу. *А стоит ли моя месть стольких жизней?* Раньше я бы ответил не раздумывая. *Да.* Но сегодня на плахе лежали не чужие люди. Погибли те, кто верил мне. Те, кого я не сумел защитить. Я поднял взгляд на князя. Он отвернулся и бросил яблоко в сторону. Оно полетело и угодило прямо между двух голов казненных. Будто он только что не погубил несколько человеческих жизней, будто этих людей вовсе никогда и не было. И тогда я понял. Если оставить всё как есть, завтра на их месте окажутся другие. Послезавтра — следующие. А потом и вся русская земля окончательно научится жить в страхе перед этим Иродом. *Нет.* Сегодня я похоронил своих людей. Но однажды я похороню князя. Чего бы мне это ни стоило.

Когда он окончательно скрылся за стенами терема, прибыло несколько нужных человек. *Здесь повсюду наши с Туром люди, князь, вплоть до казначея. И мы доберемся до тебя, обязательно. Когда разберемся с дружиной, боярами и союзниками.* Я отдал людям распоряжение сухо, как всегда: женам — хлеб и ткань из княжеских запасов, детям — тёплые вещи и еду. Чуть больше, чем должно. Слова падали в воздух, как тяжёлые капли железа.

Обычно после казней остаётся тишина, тяжёлая, но привычная, как хорошо знакомый запах дыма, который уже не режет глаза. Сегодня тишина не пришла даже после осознания, что нельзя было поступить по-другому. Когда всё было сказано, я остался стоять ещё мгновение, словно надеялся, что если задержусь здесь достаточно долго, мертвые вдруг воскреснут. Но этого никогда не случится.

Я повернулся и пошёл. Дорога домой тянулась через пустые улицы и дальше — за край города, туда, где земля становилась жёсткой, а трава - редкой, будто богиня Мокошь никогда не задерживалась в этом месте.

Дом стоял в пустоши, в противоположной стороне от Холодного леса, чтобы отвести подозрения. Ветер бил в спину, но не толкал вперёд — скорее напоминал, что я всё ещё здесь. Я шёл медленно, и каждый шаг звучал громче, чем должен был. Сапоги вязли в сырой земле, и в этом было что-то почти издевательское: будто сама земля не хотела меня отпустить.

Вскоре показались очертания старого дома, почерневшего от времени и ветра, и перекошенные стены, которые стояли так, будто держались не на брёвнах, а на привычке. Кроме меня здесь не обитала ни одна душа. Я остановился на мгновение. Посмотрел так, как смотрят на место, которое не называют домом, но всё равно возвращаются туда снова и снова. Я шумно выдохнул и вошел внутрь. Дверь за моей спиной закрылась резко, глухо, и на мгновение мне показалось, что вместе с этим звуком снаружи остались грязь, противное чавканье князя и кровь всех этих людей. Мне так хотелось. Внутри было холодно и пусто. *Вот бы в моей голове стало так же, как здесь. Для этого я должен был выпить. Снова. Много.*

Я прошёл вглубь дома, снял с головы мешок, а с плеч - тяжёлый кожаный с меховыми вкраплениями плащ. Бросил на крюк у стены, наблюдая, как медленно потекли капли, падая на деревянный пол. Затем я подошёл к дальнему углу, где стоял тяжёлый сундук. Крышка скрипнула, когда я открыл его, и запах старого дерева и спирта ударил в лицо. Там, среди тряпья и запасов, стояла бутылка. Початая. Я не помнил, когда оставил её открытой. И не стал вспоминать. Глоток обжёг горло. Потом ещё один. Мир не изменился, но стал чуть тише — или мне просто хотелось в это верить. Я сел прямо на лавку, не раздеваясь до конца, и сделал ещё несколько глотков, уже не считая их. Напиток разливался по телу тяжёлым теплом, притупляя

края мыслей, стирая лица, делая их менее чёткими, менее настоящими. На мгновение мне даже показалось, что это работает. Что я снова становлюсь пустым, таким, каким должен быть.

Но тут вдруг в мою голову полезла она. Княжна. Я выпил еще. И еще. Надеюсь забыть о ее существовании. Но напрасно. Мысли навязчиво возвращались к ней. *Почему именно ты? Среди сотен женщин именно ты упрямо лезешь мне в голову. Некстати. Не вовремя. Когда мне нужно размышлять о другом. Я должен заставить тебя сделать кое-что для меня и моих людей. Но... Почему-то я думаю совсем не об этом. Я вспоминаю твою шею. Твою хрупкую, напряженную шею, которую хочется сжать почти до удушья, отпуская в самый последний момент. И сливаясь в глубоком поцелуе. Я снова делаю глоток. За ним - еще один. Рука сама тянется вниз. Расстегивая ремень, минуя грубую ткань. Перед глазами уже появляется приятная хмельная пелена. С губ срывается хриплый стон. Я закрываю глаза. И вижу тебя, маленькая ласточка. Взбалмошную княжну, которая не знает ничего, что находится дальше своих покоев. Княжну, которой стоит показать, какая жизнь на самом деле. И я обязательно покажу.*

Глава 6

*«Власть, дарованная сердцем, крепче всяких оков».
Из сказаний о Ледяном Взмахе, обугленный фрагмент*

Зара

Я шла к покоям отца, не разбирая ни стен, ни людей вокруг, будто весь терем сузился до одной точки впереди — тяжелой двери, за которой он всегда решал, что правда, а что нет. Злость бежала впереди мыслей. Она билась в груди так сильно, что дыхание становилось рваным, а шаги сами ускорялись, словно тело уже не спрашивало разрешения у разума. И вместе с ней рос страх. Тот самый, привычный, вьевшийся глубже кожи: не остановиться, не перечить, не сорваться слишком резко, потому что за мягким голосом отца всегда стояло что-то гораздо тяжелее слов. Отец предстал передо мной у своих покоев, так, будто заранее ждал моего появления.

— Сугревушка моя, - как же холодно прозвучало это теплое обращение из его уст, - а я как раз тебя ищу!

Мне казалось, оно было почти издевательским.

— Я тоже! - процедила я, неохотно совершая поклон.

— Я рад тебя видеть! - улыбнулся он.

— И я, батюшка, - тихо ответила я, потом откашлялась и добавила, громко, решительно, - ты приказал палачу следить за мной?

Отец нахмурил брови и жестом пригласил меня в свои покои.

— Ты проходи, доченька, не стой на пороге.

Я раздраженно сжала губы в тонкую линию, но послушно вошла внутрь. Покои отца были обставлены деревянной мебелью и выглядели роскошно. При этом здесь не было украшений: только стол, книги и огромная кровать. Отец последовал за мной, но у порога его внезапно отвлек воевода, нашептывая что-то на ухо. Выслушав его, отец коротко кивнул, и тот удалился.

— Доченька, ты снова была за границей двора? - ласково спросил он.

Что? Неужели палач рассказал ему? Злость новой волной хлынула внутри меня, расползаясь по всему телу. И вместе с ней пришел стыд. Я ступевалась. Покраснела от страха перед отеческим гневом. Однако он ничуть не выглядел разозленным. В его глазах отражалось понимание.

— Сейчас нельзя покидать терем. В княжестве неспокойно. Люди могут найти способ ударить по мне через тебя.

Я опустила взгляд, сомневаясь, стоит ли мне продолжать разговор. Но стоило мне вспомнить события этих дней, сомнения сами рассеялись, словно туман под пылающим солнцем.

— Почему меня так боятся? Народ... Это из-за тебя?

Я ждала, что отец придет в ярость, но все еще казался спокойным.

— Милосердие правителя иногда убивает больше людей, чем жестокость.

Какое-то время назад я бы безоговорочно поверила каждому его слову. Но теперь перед глазами вновь и вновь вставали истерзанные люди в подземелье, кровь на полу и голос жены казненного, моливший о пощаде.

— Поэтому ты пытаешь людей в подземелье? Ты успела и там побывать? - отец удивленно вскинул бровь.

Я промолчала. Он устало вздохнул, но продолжил:

— Ты видишь только тех, кого приводят в темницу. Но не видишь тех, кого они убили. Кому навредили.

Отец направился вперед, в мою сторону, с распростертыми руками. Но я сделала шаг назад, не желая погружаться в его объятия.

— Но ведь это слишком жестоко...

— Ты очень добра, Зарёна, - и все же он настойчиво приближался ко мне, не опуская рук, - но мир устроен иначе, чем сказки.

Я не стала сопротивляться, когда он все-таки дошел до меня и крепко, но бережно прижал к себе. Однако на объятия я сама не ответила. Стояла молча, опустив свои руки. Слова отца заставили меня замолчать. В памяти всплыли рассказы няnek о набегах, сожженных деревнях, разбойниках на дорогах. Возможно, правителю и правда приходилось принимать решения, которые простым людям казались жестокими. *Но тогда почему от его слов у меня по-прежнему холодело внутри?* Я больше не понимала, кому верить.

— Пока я жив, никто не причинит тебе вреда, - прошептал он, отрываясь.

А затем я ощутила на своем лбу приятное касание его губ.

— Я запрещаю тебе выходить из терема, - его голос стал чуть строже.

— Как? Совсем? - опешила я, - даже на прогулку?

— Да, - твердо ответил он, - даже на прогулку. Сейчас опасно покидать эти стены.

Я понурила голову, и он тут же смягчился:

— Но ты можешь позвать дочерей бояр, поворкуете, повеселитесь! Весь терем в вашем распоряжении со всеми его благами!

Не могу сказать, что меня обрадовала эта новость. Я никогда не была близка с ними. Все свободное время проводила за книгами, и мне казалось, что беседовать с ними не о чем.

Вот и сейчас, выйдя из покоев отца, я направилась в библиотеку. Из окна послышался какой-то галдеж. Народ столпился на площади, оголтело барабанил в ворота и выкрикивая гадости. Мне было не разобрать, какие именно, но это определенно не походило на безобидные детские потешки. Хотелось поскорее уйти отсюда. Обеспокоенная, я отшатнулась от окна и засеменяла в библиотеку.

Здесь всегда было тихо. Люди отца почти никогда не заходили сюда, а бояре считали чтение занятием для монахов. Пару раз я видела здесь высокого хмурого мужчину, вероятно, слугу отца, но он редко обращал на меня внимание. Но сегодня, едва переступив порог, я замерла. У узкого окна, куда падал блеклый свет уходящего дня, стоял палач. В руках он держал развернутую летопись. Некоторое время я просто смотрела на него, не веря глазам: все тот же мешок, все те же широкие плечи, и старинный свиток в руках. Картина казалась настолько нелепой, что я всерьез усомнилась, не померещилось ли мне, после столь ярких душевных терзаний. Но нет, видение не растворилось. Даже спустя несколько мгновений палач никуда не исчез. Услышав, как я приближаюсь, он поднял голову.

— Княжна.

Как он узнал меня по шагам? Я поджала губы.

— Не знала, что палачи умеют читать, - я не стала скрывать свое удивление. И тут память услужливо подбросила мне недавний разговор с отцом. Обида всколыхнулась во мне, медленно поднимаясь изнутри, словно темная, вязкая тина. Слова сорвались с губ прежде, чем я успела сдержаться.

— Ты рассказал отцу, - я вздернула подбородок.

В этот миг он повернулся, и я презрительно посмотрела на него. Но это не продлилось долго, ведь выдержать этот взгляд оказалось очень непросто. Его черные глаза были похожи на разверстую пропасть — стоило встретиться с ними, и все мои мысли, словно камни, летели вниз, в непроглядную тьму. Переместив взгляд чуть ниже, я попыталась рассмотреть, что именно он читал. Но палач резко захлопнул книгу. Звук оказался неожиданно громким. Я

вздрагнула и едва не попятилась назад. С пожелтевших страниц сорвалась пыль, взметнувшись серым облаком между нами, будто сама книга не желала открывать свои тайны.

— Ваш отец знает о Вас больше, чем Вы думаете.

— Потому что любит меня, — резко ответила я, сморщившись от взмывшей пыли, —

И защищает.

На миг в его глазах мелькнуло что-то похожее на жалость.

— Любит? — тихо переспросил он.

— Да. И я не желаю больше с тобой разговаривать.

Я попыталась пройти мимо, но он неожиданно схватил меня за запястье. По спине пробежала дрожь.

— Ты забыла, что видела в подземелье?

— Они заслужили это.

Его пальцы сжались чуть сильнее.

— Заслужили?

— Отец сказал

— Конечно, сказал.

Он шагнул ближе. Слишком близко.

— Идем.

— Отпусти меня!

— Я покажу. Что они чувствуют.

От его голоса внутри все сжималось и холодело.

— Куда ты меня ведешь?

Но он молчал, продолжая тащить меня за руку. Мы почти вылетели из библиотеки, миновали темный коридор и свернули к лестнице. Я хотела было выкрикнуть «Я княжна!», но гордость не позволила мне кичиться собой в такое напряженное мгновение, а любопытство подстегивало идти за палачом. Спускаясь вниз, я уже догадывалась, куда мы направлялись. Чем дальше мы шли, тем холоднее становился воздух. Под ногами уже не скрипели деревянные половицы — их сменил грубый камень. Когда мы оказались в подземелье, он отпустил мою руку. Кожу на запястье щипало, я схватилась за него другой рукой и покрутила, морща лоб. Он не запер дверь, но сердце затрепыхалось в груди, когда та глухо захлопнулась за спиной. Я оглянулась: мы были здесь совершенно одни. Тишина подземелья давила, словно мы находились под толщей речной воды. Где-то вдалеке мерно падали капли, и каждый звук отдавался в каменных сводах тревожным эхом. Палач молча прошел вглубь темницы. В пляшущем свете факелов его широкая спина казалась еще массивнее. Под темной тканью перекачивались мышцы, когда он остановился у стены, где висели тяжелые цепи. У меня пересохло во рту.

— Что ты собираешься делать? — мой голос прозвучал куда тише, чем хотелось.

Он снял с крюка одну из цепей. Металл звякнул, словно предупреждая меня об опасности.

— Подойдите сюда.

Я не сдвинулась с места.

— Зачем? Он медленно повернулся.

Черные, леденящие душу, глаза встретились с моими, затягивая в омут тревоги.

— Ты хотела знать правду, княжна. Так узнай ее.

Я судорожно сглотнула. Дверь по-прежнему оставалась незапертой. Я могла уйти. Просто развернуться и подняться наверх, к свету и теплу. Но тогда слова палача продолжили бы преследовать меня.

— Если боитесь, можете уйти, — он словно прочитал мои мысли, — Но тогда придется забыть обо всем и избегать этого места.

Я облизала пересохшие от страха губы и отрицательно помотала головой. *Глупая.* Сжала пальцы в кулак, заставляя себя не смотреть на дверь. Не смотреть — значит не признавать, что она существует.

— Я не боюсь, — выдохнула я.

Палач ничего не ответил. Держа в руках цепи с кандалами, он стоял у стены, чуть сбоку, как будто отрезал мне путь своим присутствием. Потом повернулся и посмотрел на меня.

— Тогда прошу Вас, княжна, — его хриплый голос пробуждал во мне странное ощущение. Непонятное, незнакомое мне. В животе зарождался не то страх, не то любопытство. Но моя пытливая голова, в которой умещалось огромное количество прочитанных книг, не могла распознать и точно назвать это чувство. Тишина растянулась между нами, плотная, вязкая, как смола. Он шагнул ближе, и только после этого я сдвинулась с места, словно боялась того, что предрекал этот шаг.

— Сюда, — он указал на стену, с которой свисали устрашающие цепи.

Я округлила глаза и раскрыла рот от оцепенения. Он прочитал ужас на моем лице и понизил голос:

— Я уже сказал, — вывел он меня из ступора, — Вы можете уйти.

Я ничего не ответила. Сжала пальцы еще крепче, так, что после на коже останутся отметины, и выступила вперед, вытягивая руки в согласии. И тут он резко перехватил их и одним легким движением задрал вверх, нависая надо мной. Я оказалась прижатой к холодной, влажной стене, перед ним, словно перед громадной темной тучей. Он прищурился, и его большие, черные глаза сузились. Как хотелось сорвать с него этот дурацкий мешок и понять, улыбается он или хмурится. Но я стояла неподвижно, тяжело дыша и подрагивая от поглощающего меня страха. Он зазвенел цепями, не отрывая от меня глаз. Вены на его исполинских руках вздувались, а грудь вздымалась, словно передо мной стоял не человек, а оживший утес. Когда он застегивал тяжелые кандалы на моих запястьях, крупные пальцы случайно коснулись моей кожи. Прикосновение было мимолетным, но в животе что-то перевернулось. *От страха. Только от страха. Я очень надеюсь, что именно от него.*

Щелчок... И с моих губ сорвался судорожный вздох. Палач отошел в сторону, словно собирался оставить меня вот так, одну, в сыром подzemелье, скованную железными кандалами. Однако спустя несколько шагов он остановился и опустил плечо, чтобы поднять что-то. Я не могла разглядеть, что именно. Только когда он подошел, я поняла, что в своих руках он держал длинную плеть. Сердце пропустило удар. На веревке красовались пятна запекшейся крови. Я сморщилась в попытке закрыться от удара. Но он ничего не делал. Он ждал. Ждал, пока я испугаюсь до смерти. Именно это со мной и случилось. Я почувствовала, что задыхаюсь, мир перед глазами расплывался, словно веки залили воском. Каменные стены подzemелья качнулись, факелы размазались золотистыми полосами, а лицо палача вдруг оказалось слишком далеко, словно между нами разверзлась целая пропасть. Мир поплыл, распадаясь на отдельные, бессвязные образы: блеск цепей, черный силуэт, тусклое мерцание...

И тогда о каменный пол с оглушительным треском ударила плеть. Земля ушла из-под ног. Я моргнула, ощутив на своем лбу выступившие капельки пота. Заметив, что я почти лишилась чувств, он отбросил плеть в сторону и потянулся ко мне, чтобы снять кандалы. Я сжала и разжала веки, чтобы поскорее прийти в себя. Он приблизился вплотную, зачем-то приподнимая край мешка. Ткань зацепилась за выступающие скулы, открывая моему взору его губы. Они оказались пухлыми и расплывались в ухмылке, которую я могла бы назвать притягательной. По ним и по коже вокруг можно было с уверенностью сказать, что палач выглядел молодо. Но желание снять мешок никуда не делось. Напротив, оно только возросло с небывалой силой. Он поднял руку и дерзновенно провел большим пальцем по моей губе. Предательская волна дрожи поднялась во мне сразу. Но самым страшным было то, что она показалась мне приятной. *Проклятье!*

— Теперь ты знаешь хотя бы часть того, что чувствуют пленники, - прошептал он, очутившись так близко, что наши губы слегка соприкоснулись.

Едва заметно, но достаточно, чтобы я задыхалась быстрее.

Снова шелчок... Снимая, наконец, кандалы с моих рук, он скользнул пальцами по моей коже, и я поняла с пугающей ясностью: так ощущается не только страх. Так ощущается власть, которой не сопротивляются.

Глава 7

«Ибо всякая тайна подобна углю под золою: чем дольше сокрыта она, тем жарче пламя, когда приходит её час.

В тот день жарким оказалось не только пламя неправды»

Из сказаний о Ледяном Взмахе, свиток VII

Зара

*Я бегу по залитому солнцем полю, а вокруг меня кружатся тысячи белых пушинок.
— Смотри, нянюшка! — смеюсь я, срывая пушистый одуванчик. — А говорят, облака
бывают только на небе!*

Я дую на него изо всех сил, и белые семена взмывают вверх, подхваченные ветром.

— Они будто сне-е-ег!

Прасковья улыбается, поправляя выбившуюся прядь у моего виска.

— Точь-в-точь как она...

— Кто?

Но нянька лишь смотрит в небо, туда, где среди облаков кружатся белые пушинки.

Ветер становится холоднее. Пушинок становится всё больше. Они падают мне на лицо, тают на ресницах. Тают? Снежинки. Настоящие. Я опускаю взгляд. Одуванчиковые пушинки обретают еще более причудливую форму, лишаясь зеленых стебельков. Под ногами лежит нетронутая снежная белизна.

И в следующее мгновение передо мной прямо на этот чистый, белый снег падает отрубленная голова. Алые брызги взмывают вверх, расцветая на белом снегу, словно чудовищные цветы. Я застываю. Кровь медленно растекается по снегу, окрашивая его в багряный. А потом мёртвые глаза распахиваются и смотрят прямо на меня.

Меня никогда не мучили кошмары. Никогда. Я жила спокойную жизнь в тереме: читала Псалтырь, переписывала буквы на восковых дощечках, как меня учили в детстве, бродила по скучным коридорам, представляя себя на месте героинь летописей о русских богатырях. Но теперь, когда я побывала в подземелье, когда я увидела пытки, когда познакомилась с этим проклятым извергом в надоедливом мешке, все изменилось. И зачем я только сунулась в это подземелье! Наказывал мне батюшка строго-настрога: туда - ни ногой!

Я глубоко вздохнула, чтобы успокоиться. Потом потерла заспанные глаза, подняла подушку и схватила сверток, лежащий под ней. Развернула и в сотый раз перечитала написанное «Она много знает». Я пробежалась глазами по каждой букве. Еще. И еще раз. *Интересно, у палача есть доступ к отцовским архивам? Наверняка где-то там затерялись бумаги, в которых подробнее рассказывается об убийстве Прасковьи. Они должны быть там.*

Я отбросила шелковое покрывало, слипшееся с меховой соболиной накидкой, и вскочила с кровати, как ошпаренная. Отыскала огниво, зажгла свечу, прихватив ее с собой, вывалилась из покоев и зашагала на цыпочках по коридорам терема. Проходя мимо покоев матери,

я невольно остановилась. Потопталась на месте, раздумывая над тем, чтобы расспросить ее о Прасковье, о подземелье, о тятеньке. Но сомнения одолели меня тотчас же. Она редко заходила ко мне. Мы лишь иногда разговаривали о том, что я сшила, что прочла, какие наряды мне привезли... Но никогда о чем-то большем. В детстве она не сидела со мной. Вместо нее за мной ухаживала Прасковья.

Что это я!... Матушка всегда хорошо ко мне относилась. Никогда не обижала. Но отчего-то я не решилась к ней заходить. Наверное, потому что теперь мне казалось: никто не бывает до конца честен со мной. Или я просто не знала, кому верить.

Я спустилась в подземелье так, будто оно стало моим вторым домом. Ноги несли меня сами, выбирая искосые пути, чтобы не попадаться на глаза батюшкиным слугам. Но зайдя за знакомую гнилую дверь, я обнаружила, что палача там нет. *Неудивительно. На дворе ночь, Зара! Думаешь, палачи сутками пытаются бедных пленников, не уходя домой, чтобы поспать?* Я зашла в соседнюю, незапертую дверь в надежде найти что-то интересующее меня самостоятельно, но не обнаружила там ничего, кроме старых, ненужных вещей. Зато отыскала завалявшуюся в куче пыльных безделушек бумажку и написала палачу письмо. *Как хорошо, пусть и странно, что он умеет читать!* В нем я просила его зайти к моей служанке, когда у него появится чуточка свободного времени. Я знала, что княжне не следует встречаться с мужчиной наедине, особенно с палачом. Но иного выхода у меня не было. Только он один был ключом к ответам.

Однако он не объявился. И на следующий день, и еще через день - тоже... Я ждала, прислушиваясь к каждому шагу в коридоре, вздрагивая всякий раз, когда служанка сообщала о госте. Но за мной приходили лишь наставницы, портнихи да девки с новыми нарядами.

Матушка тоже не приходила. После подслушанного мной разговора с батюшкой она словно вовсе забыла о моём существовании. Но ничего. Так ведь живут все княжеские дочери. Наверное...

На третий день ожидания я больше не выдержала. Если гора не идёт к княжне, княжна сама отправится к горе. *А ведь палач такой здоровенный и широкоплечий, что и правда казался горой.*

— А где нынче палач обитает? — как бы между прочим спросила я у своей служанки, пока та подготавливала мне наряд.

Ефросинья заметно побледнела.

— На что Вам это, княжна?

— Да девки страшилки рассказывали про то, что там, где живёт он, черти живые бродят, — соврала я, удивившись тому, как легко это получилось.

Служанка перекрестилась.

— Не врут девки.

— Правда? - удивилась я.

— Говорят, там видели оживших мертвецов, убиенных его руками. Но некоторые глаголят мол неправда это и палач не такой злой и бездушный, как кажется. Не знай, кому верить.

— Так где живет, Ефросиньюшка? - напомнила я ей ласково, о чем спрашивала.

Росказни и слухи интересовали меня меньше всего, особенно теперь.

— За старым частоколом живёт. Там, где кузницы заканчиваются, в другой стороне от Холодного леса, на самом отшибе.

Разумеется. Где же ещё мог жить человек, которого боялось всё княжество?

В тот же час я отправилась в путь, переодевшись служанкой и успешно проскользнув мимо охранников. Я не могла отогнать мысль о том, что шла к палачу не только потому, что меня мучили вопросы о Прасковье. Пусть обида на него не прошла и я до конца не понимала, что чувствую, но мне было любопытно. *Зачем он рассказал мне, что отец приказал ему следить за мной? Зачем он спас меня аж два раза? Почему только рядом с ним я чувствовала,*

что мне, наконец, не врут? Может, это мне только казалось... Пусть я ошибалась. Но теперь у меня хотя бы была возможность совершать какие-то ошибки. Я сама себе ее дала, открыв, наконец, свои глаза на мир, простирающийся вокруг меня.

— Князь сам не свой, - услышала я разговор двух женщин, когда проходила мимо площади, - таким злым он не был еще никогда!

— Ой, да брось! Он сам не свой уже двадцать лет. С тех пор, как все случилось.

Сердце пропустило удар. *Может быть, мне послышалось?* А иначе что же такого могло случиться в год моего рождения?

— Всем не сладко. Но князь жесток. Он убивает невинных...

— А цены на соль? Видела? Видно, голодом нас уморить хочет.

Внезапно я встретилась взглядом с одной из женщин. И тут же отвернулась, испугавшись, что меня могут узнать. В этот миг откуда-то сверху упала круглая льдинка. За ней - другая. Спустя несколько мгновений с неба пошел град.

Я пошла дальше, но разговор женщин на время вытеснил из головы даже мысли о палаче. Всю дорогу до конюшни я провела, вспоминая их слова. Погрузившись в свои мысли, я не сразу расслышала голос конюха:

— Разве батюшка не запретил Вам выходить за пределы терема?

— Ох, Евпатий, доброго дня! - остепенилась я и постаралась выкрутиться, - я уговорила его всего на одну прогулку.

Конюх поглядел на меня, раздумывая, но потом все же направился подготавливать мою лошадь. Спросить отца он все равно не мог: конюхов к князьям не пускали.

И лишь вдогонку старик спокойно добавил:

— Меня выпорут, ежели Вы мне соврали, княжна.

Я жала губы в тонкую линию и перебрала пальцами локоны, заплетенные в косу - я делала так, когда о чем-то переживала. А затем стряхнула ее с плеч, хлестнула коня и поскакала. *Если отец прознает, я скажу, что обманула бедного конюха. Не знаю, что, но что-нибудь я обязательно придумаю, и Евпатия не накажут.*

Дорога до окраины княжества заняла больше времени, чем мне казалось. Чем дальше оставался терем, тем реже встречались люди. Богатые избы сменились покосившимися домами ремесленников, потом исчезли и они. Остались лишь кузницы, тяжёлый запах дыма и стук молотов, разносившийся над округой. А затем стих и он. Впереди показался старый частокол. Я начала съезжать, когда под копытами вязла глина. Лошадь заржала, отказываясь идти дальше. Я слезла с нее, свистнув и отпуская обратно, пошла пешком. Ноги сиюминутно погрязли в глине, но я упорно шла вперед. Вскоре я поняла, что подо мной земля, которую жители княжества предпочитали обходить стороной. Пустошь. На ней ничего не росло.

Изба палача стояла особняком, словно и здесь её хозяин оставался изгнанником. Ни соседей, ни дворовой суеты. Лишь ветер, гулявший между деревьями, да скрип старого колодца неподалёку. Несколько мгновений я просто стояла перед дверью, не решаясь постучать. А потом осторожно толкнула её. Дверь оказалась незапертой.

Убранство дома оказалось еще более скудным, чем в доме Прасковьи. У стены стоял грубый стол, на котором не было ни пыли, ни случайных вещей, будто время здесь боялось оставлять следы.

— Есть кто? - тихо спросила я.

Но никто не отозвался.

Из вещей в доме почти ничего не было: лишь точильный камень, тёмный от постоянного использования, лавка, да какой-то сундук. А на полке виднелись аккуратно разложенные ремни и железо, назначение которых мне было неизвестно.

В доме было холодно. Я осторожно присела на край лавки. Поначалу мне казалось, что палач вот-вот вернётся, и потому я не позволяла себе расслабиться. Но время тянулось мучи-

тельно медленно. Казалось, прошла целая вечность. Я все ждала и ждала. За окном темнело. В избе становилось все холоднее. Когда я почувствовала, что замерзаю, меня начало клонить в сон. Кутаясь в старые тряпки, найденные в доме, и стуча зубами, я незаметно для самой себя уснула прямо на лавке.

— Вы совсем лишились разума, - разбудил меня знакомый хриплый голос.

Я вздрогнула и открыла глаза.

— Князь запретил Вам покидать покои. А Вы покинули терем.

Я не сразу поняла, где нахожусь.

— Вставайте! - палач повысил голос.

— Но у меня есть вопросы - спросонья пробурчала я.

— Он Вас обыскался. И я тоже, - перебил он меня.

— Но...

— Он уже назначил Вам наказание.

— Что? Какое наказание... - встрепелась я.

— Не могу Вам сказать, княжна. Скоро сами все узнаете.

Я вскочила с лавки, а страх разлился по телу ледяной волной. А когда встала на ноги, мир пошатнулся, и я схватилась за голову. Палач бросил на лавку рядом со мной рваную котомку и приблизился ко мне. Держась за переносицу, я несколько раз глубоко вздохнула.

— Ты читал мои письма? - взглянула я на него многозначительно, немного придя в себя.

— Да, - просто ответил он.

— И почему ты ничего не... - голова закружилась сильнее.

— Потому что княжне не подобает встречаться с палачом. Уходите, княжна.

— Я не уйду. Мне нужны ответы.

— Какие ответы? Княжна, не заставляйте меня применять силу.

Он одним легким движением взвалил меня на плечо.

— Пусти меня, - забрыкалась я.

Тщетно. Меня не покидало ощущение, что он не собирался отпускать меня даже если я поклянусь отдать ему все золото нашего княжества. Я неожиданно почувствовала такое сильное недомогание, что пуше прежнего схватилась за голову, перестав барабанить по его спине.

— Я щедро отплачу, - тихо произнесла я.

— Хорошо, - согласился он неожиданно для меня и вернул мое тело обратно, - услуга за услугу.

— Деньгами! - поспешно уточнила я, - я отплачу деньгами!

— Нет, твои деньги мне не нужны, - он собирался снова поднять меня, но я отбежала на два шага назад и не стала так просто сдаваться.

— А что нужно? - оробела я.

Палач резко прижал меня к стене, проводя большим пальцем по моей ладони. Затем поднял свой топор и приставил к моему подбородку. Я сморщилась. Голова закружилась сильнее. *Я еще от прошлого раза не оправилась...*

— Боишься, что я притронусь к тебе?

— Да, - честно призналась я.

— Это последнее, о чем я думаю.

— Хорошо, - дрожащим голосом согласилась я, - Тогда по рукам.

От его слов почему-то стало горько, но я подавила в себе это странное чувство.

— Так-то лучше, — тихо произнёс он.

Я судорожно сглотнула. Топор никуда не делся. Рукоять всё ещё касалась моего подбородка.

— Так что тебе нужно взамен? — прошептала я.

— Ваш отец.

Я нахмурилась.

— Что?

— Следите за ним.

Меня бросило в дрожь. Подбородок затрясся, руки онемели.

Я уставилась на него так, словно он лишился рассудка.

— Ты сошел с ума?

Он усмехнулся.

— Давно.

— Это мой отец.

— Именно поэтому Вы сможете подобраться к нему ближе остальных.

Я попыталась оттолкнуть древко. Безуспешно. Он даже не пошевелился.

— Я не стану предавать свою семью.

— Семейю? — в его голосе вдруг прозвучало что-то странное. Почти злое. — После всего, что я показал Вам в подземелье, после всего, что Вы ощутили?

Я замерла, вспоминая кандалы и плеть, ударившую прямо подле меня.

Его взгляд скользнул по моему лицу.

Внимательно, так, будто он видел каждую мысль, которую я пыталась скрыть. Голова кружилась невыносимо. Ноги подкашивались не то от холода, не то от близости проклятого палача.

— Вы уже начали сомневаться в нём, княжна.

— Нет.

— Лжёте.

Сердце ударило сильнее.

Потому что он оказался прав. И потому что я ненавидела его за это.

Я снова попыталась оттолкнуть топор. Но в этот раз он сам неспешно убрал его.

— Это слишком, — выдохнула я.

— Я уже говорил. Тогда Вам придется перестать искать правду. Но Вы упрямы, княжна. Давайте честно, Вы так и будете совать свой носик куда не след.

Я открыла рот, но не нашла ответа. Потому ли, что ноги болели и казалось, я сейчас упаду, или... Потому что палач и в этом был прав.

Уголок его мешка дрогнул где-то в области губ. Словно именно этого он и ждал.

— Итак, Ваш вопрос, княжна.

— У меня их много, - спесиво бросила я.

— Боюсь, сегодня мы обсудим только один.

Я облизала пересохшие губы. И потерла лоб, который внезапно стал болеть пуще ног.

— Что произошло двадцать лет назад?

По телу снова пробежала сильная дрожь.

— Вы родились.

— Да я знаю, - стусевалась я, - Сегодня на площади я слышала, как кто-то сказал, что отец изменился с тех пор. Он... Он жалеет о том, что я появилась на свет?

— Этот вопрос слишком дорого мне обойдется, княжна... Потому я отвечу на него, лишь когда Вы принесете что-нибудь полезное.

— Но...

— И когда пойму, что Вам можно доверять, - перебил он.

А потом наклонился так близко, что я почувствовала его дыхание через темный мешок.

И тихо произнёс:

— И в следующий раз, княжна, возьмите с собой нож.

Я застыла. Меня поражала его уверенность. *Мы договорились, но с чего он взял, что я сама приду к нему? Это лишь раз, сегодня исключение. К тому же, батюшка, теперь уж точно приставит ко мне тучу охранников.*

— Следующего раза не будет, - процедила я сквозь зубы, когда мир вдруг начал плыть, а все вокруг постепенно теряло прежнюю форму.

— Поживем - увидим, маленькая ласточка.

— Ч... Что? Как ты меня - не успела я договорить, как мир качнулся, и я почувствовала, что падаю.

Но могучие руки подхватили меня, не давая рухнуть навзничь.

— Ты вся горяишь, - мешок палача расплывался перед глазами, когда я почувствовала на своем лбу его большую ладонь.

Палач незамедлительно подхватил меня и понес к лавке.

— Тебя нужно раздеть, - произнес он так, будто говорил о чем-то обыденном, так, будто я была не княжной, а бездушным соломенным пугалом.

— Что?! - возмутилась я, - Нет! Ты не смеешь!

— Смею. Я не дам Вам умереть от горячки, княжна, — спокойно ответил он.

Я попыталась вырваться, но сил почти не осталось.

— Не прикасайся ко мне!

— Поздно вспоминать о приличиях после того, как Вы явились в дом палача среди ночи.

Одна.

Я возмущённо открыла рот, однако вместо возражений лишь бессильно выдохнула.

Он тяжело вздохнул, стягивая с меня сперва мантию, потом сапоги — один за другим.

— Ненавижу упрямых женщин.

— А я ненавижу палачей, - процедила я, вдругорядь хватаясь за голову, когда недуг снова дал о себе знать.

— Это я уже понял, - прохрипел он, медленно потянувшись руками к понёве, завязанной на поясе. Правая рука коснулась моей талии и ненадолго задержалась на ней. *Случайно... Надеюсь...*

Несмотря на грубость слов, движения его оказались неожиданно осторожными. Он аккуратно прикоснулся к вороту на моей шее, расстегивая пуговицу, посмотрел прямо мне в глаза. От этого очередного хищного взгляда у меня в животе что-то перевернулось. *Проклятье. Почему это не только пугает, но и... Привлекает? Нет, мне только кажется!*

Я облизала пересохшие губы и подняла руки. Одним легким движением палач снял с меня бирюзовый, одолженный у моей служанки, сарафан... Тот упал с едва уловимым шелестом, и я предстала перед этим пугающим, мускулистым извергом совершенно нагая. Я ждала, что он немедля пробежится глазами по моему телу, разглядывая каждую его часть, однако он продолжал смотреть только в мои глаза. Спустя еще одно мгновение — тоже. *Никогда бы не подумала, что первым мужчиной, который увидит меня голой, окажется палач. И уж тем более, никогда бы не подумала, что он не набросится на меня, как наверняка сделал бы любой на его месте, а останется неподвижным, до последнего глядя лишь мне в глаза.*

Мы простояли так какое-то время, пока я не почувствовала, как мои щеки налились багрянцем от горячки и от хлынувшего стыда перед своей наготой.

Тогда я аккуратно присела на лавку, а затем попыталась лечь, но та пошатнулась, и я сорвалась, почти падая на пол. Ловкие руки палача снова подхватили меня, касаясь голой кожи на спине и где-то выше бедра. Почти в том месте, где покоилось мое нетронутое нутро... *Проклятье. Проклятье. Проклятье!*

В животе снова словно вспорхнула бабочка, а по телу пробежала дрожь — не та, которая присуща больному человеку, другая... Приятная.

Палач задержался на мгновение... Почти незаметно провел большим пальцем по внутренней стороне моего бедра, отчего по коже пробежали мурашки, а внизу, где-то между ног, стало горячее, чем от хвори.

Затем он осторожно положил меня на лавку.

Я шумно выдохнула, и в этом выдохе слышался неунимаемый трепет.

Он укрыл меня толстым шерстяным одеялом и отпрянул так резко, словно боялся передумать. Повернулся спиной и подбросил дров в очаг.

Я лежала молча, пытаюсь подавить странное, приятное чувство, возникшее вновь. В избе постепенно становилось теплее. Я наблюдала за огромной фигурой у огня сквозь полуприкрытые веки. Странно. Человек, которого боялось всё княжество, сейчас возился с котелком, словно обычный хозяин дома. Словно не его руки держали топор.

Почувствовав на себе мой взгляд, он обернулся.

— Спите.

Я собиралась ответить что-нибудь колкое, однако силы окончательно оставили меня. Возможно, мне показалось, но последним, что я помню, прежде чем против воли провалиться в сон, было то, как палач снял с себя одежду и... Мешок. Однако ни лица, ни волос его я разглядеть так и не успела.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.